

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА К. Д. ВОРОБЬЕВА)

Ю. И. Шумакова

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 23 апреля 2018 г.

Аннотация: задача данной статьи состоит в том, чтобы исследовать результаты взаимодействия фольклора и литературы на уровне жанров в творчестве курского писателя К. Д. Воробьева. Частое вкрапление в произведения фольклорных текстов песни и частушки указывает на их важность в рамках художественной системы писателя, а также на авторскую интерпретацию элементов народной художественной культуры.

Ключевые слова: фольклор, литература, К. Д. Воробьев, писатель, фольклорные жанры, частушка, песня.

Abstract: the aim of this article is to analyse the results of interrelation of folklore and literature at the genres level in the work of Kursk writer K. D. Vorobyov. Frequent interspersing with texts of folklore songs and rhymes points at their importance to the extent of writer's artistic system, and author's interpretation of folk fiction.

Keywords: folklore, literature, K. D. Vorobyov, writer, folk genres, folk rhyme, song.

В последние три десятилетия заметно возрос интерес исследователей к творческому наследию писателя К. Д. Воробьева (1919—1975). Отечественные литературоведы рассмотрели в своих работах и вопросы периодизации творчества, и своеобразие художественного мира, и основные темы произведений. Однако вопрос о взаимодействии фольклора с художественной системой К. Д. Воробьева мало изучен.

Горелов А. А. в статье «К истолкованию понятия “фольклоризм литературы”» отмечает разность между двумя типами писателей, в творчестве которых ученые исследуют функционирование фольклорной традиции. Главной чертой, отличающей первый тип, является великолепное знание писателем фольклора, поскольку он «зачастую окружен им как элементом бытовой среды» [5, 36]. Второй тип характеризуется тем, что писатель взаимодействует с народным творчеством непродолжительное время, в течение которого он создает художественное произведение с фольклорными элементами. Интереснее и многограннее творчество писателей первого типа, поскольку оно насыщено фольклорными элементами, которые писатель зачастую вводит в свои произведения бессознательно.

Согласно предложенной классификации А. А. Горелова, творчество К. Д. Воробьева, можно отнести к первому типу писателей, опираясь на биографические сведения из его жизни, письма, воспоминания современников, монографию жены. Убеждены, что именно в детстве писатель был погружен в систему русской крестьянской культуры, на основе которой

его сознание сблизилось с народным. Детские воспоминания К. Д. Воробьева связаны с жизнью в деревне Нижний Реутец Курской губернии. Писатель, так и не вернувшись домой после Великой отечественной войны, жил воспоминаниями о своей малой родине и часто рассказывал родным о различных традициях и обрядах, которые существовали в его деревне. «Радость и чувство восхищения вызывали воспоминания о той деревне, которая еще жила естественными своими бедами и заботами, традициями, обычаями и церковными обрядами в доколхозное время. Он зрительно и достоверно помнил и какими были куличи, <...> и озорные частушки — их «кричали» (так говорили в деревне), сидя на завалинках, девки, посадив к себе на колени парней, и все то, что потом вошло в его повести, но навсегда исчезло из деревни» [4, 371].

Можно сказать, что в своих произведениях К. Д. Воробьев выступал в качестве этнографа, воссоздающего картины народного повседневного быта русской деревни 20-х-30-х годов XX века. Так, в повести «Друг мой Момич» мы встречаем описание древних обрядов: конокрадство, лечение испуга, похороны и т.д.. В произведениях о деревне — «Сказание о моем ровеснике» (1960), «Почем в Ракитном радости» (1964) — К. Д. Воробьев активно использует жанр песни, воспроизводя не только аутентичные тексты, но и особенности их исполнения. «На деревенских улицах в его произведениях часто звучат песни и частушки, да и сам автор в грустные минуты не раз певал русские народные песни... Они для него были крохотной частью родной стороны, где прошли трудные, но самые счастливые дни его жизни» [6, 125].

В повести «Друг мой Момич» исполняется (именно исполняется, поскольку песня расписана писателем по ролям) грустная лирическая песня о распрекрасном деревце смородине. Обратимся к тексту. «Они сидели бок о бок, и голову Момича криво опоясывал величиной с решето лохматый веночек из ромашек вперемешку с колосьями ячменя, — тетка, наверное, сплела, не сам же Момич! Они сидели прямо, строго и молча, будто только что поругались, и неожиданно тетка сказала:

– Мось, давай скричим песню!

Момич искоса взглянул на нее, но ответил сипло и мягко:

– Ну-к что ж!

Тетка умостила ногу на ногу, подперла ладонью щеку и завела никогда не слыханное мной:

– Ах ты, ягодка-а, смородинка-а...

– ...распрекрасное мое деревцо-о! — широким, приглашенным голосом встрянул сразу Момич. Я присел за кустами, и спина у меня похолодела отчего-то.

– Ты когда взошла, когда выросла, ты когда цвела, когда вызрела? — томительно-протяжно пела-спрашивала тетка, а Момич низко и раздумчиво гудел:

– Я весной взошла, летом выросла, я зорей цвела, солнцем вызрела...

И снова ласково-печально спросила тетка:

– Ах ты, ягодка, самородинка, распрекрасное мое деревцо!

– Ты почто рано позаломана, во пучечики переязана, по дикой степи разбросана?!» [1, 354].

Чтобы представить текст песни в традиционном виде, уберем авторские ремарки:

Ах ты, ягодка, смородинка,
 Распрекрасное мое деревцо!
 Ты когда взошла, когда выросла?
 Ты когда цвела, когда вызрела?
 Я весной цвела, летом выросла,
 Я зорей цвела, солнцем вызрела.
 Ах ты, ягодка, самородика,
 Распрекрасное мое деревцо!
 Ты почто рано позаломана,
 Во пученьки перевязана,
 По дикой степи разбросана...

Интересно, что в фольклоре мы встречаем два варианта данной лирической песни. Первый — это песня-загадка диалогического вида:

Ты рябинушка, ты кудрявая,
 Ты когда взошла, когда выросла,
 Ты когда цвела, когда вызрела?
 Я весной взошла, летом выросла,
 Я зорей цвела, в полдень вызрела...
 (М. Чулков, стр. 209, № 171.) [11, 109].

Второй вариант — историческая песня XVIII века:

«Уж ты, ягодка, ты смородинка,
 Ты когда взошла, когда выросла?»
 Я весной взошла, летом выросла,
 Зеленехунька позаломана,

По три прутика в пучки вязана,
 По дороженьке поразбросана,
 У крыльца, у дворца государева [8, 160].

Если в первом варианте песни обращение направлено к деревцу рябине, то в исторической песне, равно как и в тексте, представленном в повести К. Д. Воробьева, речь идет о ягодке смородине. Вероятно, в тексте песни, которая воссоздана писателем в повести «Сказание о моем ровеснике», изначально переплелись два фольклорных образа — смородины и рябины, поскольку сначала обращение в песне адресовано «ягодке смородинке», а затем в песне происходит непонятное уточнение — «распрекрасное мое деревце».

Образ смородины в народной лирике всегда связан с женским началом. Черный цвет ягоды соединяется с народным представлением о печали, несчастьи, горе, «с переживанием девушки, выдаваемой в чужую семью, со страданиями замужней женщины» [11, 63]. Необходимо помнить о том, что в фольклорном творчестве важно состояние растения (цветения, увядания, сломления), именно оно выражало различные настроения, передавало психологические состояния. Повторимся, что в повести К. Д. Воробьева мы встречаем песню, в которой центральным лирическим образом является сломленное деревце смородины. Мотив заламывания деревца связан в русской культуре со свадебной символикой, выходом замуж. «Так, например, по народным свадебным песням конь жениха щиплет в зеленом саду «цветы лазоревы» и «ломает «калину со малиною» (П. Шейн, № 1837). Или — в одной из свадебных песен вышедшую замуж девушку спрашивают:

С кем ягодки рвала,
 Калину ломала?
 (П. Шейн, № 2121)» [11, 61].

В контексте художественного текста К. Д. Воробьева лирическая песня, исполняемая главными героями, помогает воссоздать их прошлое. Очевидно, что судьба тетки Егорихи, которую рано, не по ее согласию выдали замуж за нелюбимого человека, глубоко трагична. Предположим, что в лирическом образе заломленного деревца отражаются и страдания героини: сломанные, клонящиеся к земле деревья в фольклорной поэтике всегда имели значение печали и грусти. Весьма интересно, что песню, которую исполняют герои, выражает не только женскую печаль и тоску, а еще и мужскую. Текст, воссозданный в повести, представляет собой диалог (вопрос — ответ) человека и деревца смородинки, однако партию деревца исполняет не женщина, а мужчина.

Герои К. Д. Воробьева исполняют песню душевно, по-русски, словно упиваясь своими муками с полным сосредоточием всех духовных своих сил. «Томительно-протяжно», «ласково-печально» пела-спрашивала тетка, «низко и раздумчиво» подпевал Момич «широким притушенным голосом». Несомненно,

мненно, именно поэтому Санька, который слышал, как поют два самых близких ему человека, испытывает ощущение холодка на спине, и затем, сомлевший, выходит к ним. «Что собирался пропеть-ответить Момич — не услышалось: сомлевший от благодарной радости ко всему, с чем мне довелось встретиться в этот беспредельный день, я вышел из-за кустов, подошел к тетке и Момичу и сел у них в ногах...» [1, 354].

Данная деталь помогает нам сделать предположение, что Момич и Егориха с юности любят друг друга, но трагические обстоятельства не позволили им создать семью. Лирическая песня, «исполненная» героями, не только украшает повествование, но помогает глубже понять истоки взаимоотношений героев, проявиться значимой и сильной чертой их характеров — способности любить.

Итак, фольклорный текст песни, представленный в повести К. Д. Воробьева, реализует реалистически сферу чувств, переживаний героев. Важно также, что в песне слова дополняются комментариями автора к ее исполнению и контекстуальным настроением.

В повестях К. Д. Воробьева мы встречаем и введение в прозаический текст шуточной песни. Ястребов Матвей Егорович («Сказание о моем ровеснике»), возвращаясь домой после сдачи хлеба продотряду, настойчиво потребовал от своего сына, Алексея, «вжарить камаринскую» и, как замечает автор, «молодо хватил ногами по разохшимся доскам телеги под собственный сказ:

Кочерга раскудахталися,
Помело разумянилося,
Сухорукий-рукий клеть обокрал,
А безногий-ногий вслед ему погнал.
Поросеночек яичко снес.
На высокую полочку взнес.
У-ха! У-ха! У-ха-ха!

Съели куры, куры-дуры, петуха...» [2, 36].

Уже сама просьба Матвея Егоровича «вжарить» камаринскую указывает на то, что песня, которую исполняет герой, плясовая. Исследователи русского фольклора утверждают, что «короткие сатирические песни создавались еще скоморохами» [7, 361]. А часть скоморошьего репертуара была воспринята нескладухами — частушками, построенными на комическом абсурде. Куплеты, которые исполняет Ястребов, сродни фольклорным частушкам-небылицам. Например:

Пошла квашня
В яровое поле:
Не одна она пошла,
А с мутовкой двое! [12, 478].
Или:
Телеграфный столб женился,
У попа телегу взял.
Я на это рассердился,
Взял зарезал самовар [12, 479].

Содержанием куплетов, которые в повести К. Д. Воробьева исполняет Ястребов, на первый взгляд, является смешная нелепица (кочерга раскудахталися, поросеночек яичко снес и т.д.). Шутка как в песне, так и в частушках является определенной насмешкой, издевательством над происходящим (например, в тексте К. Д. Воробьева, поросенок, куры, петух, кочерга, помело). Однако «перевертыши» в прозаическом тексте далеко не безобидны. Каламбур в песне, которую исполняет на собственный лад Ястребов, является насмешкой над событиями, происходящими в родной Шелковке (приезд продотряда, приказ сдавать хлеб, лошадей). Предположим, что шутка о том, что «сухорукий-рукий плеть обокрал, а безногий-ногий вслед ему погнал», связана с реальной жизнью героя. Насмешка в том, что продотряд именно грабит деревенских мужиков, а председатель сельсовета, Тишка Суворец, позволяет совершать это преступление [2, 30].

Обратимся к повести.

– Сдаю, говорю, четыре пуда гречихи, — повторил Суворец.

– Это где ты взял ее? Кажись, не сеял... — слышались чем-то обрадованные голоса.

– Дали... Они вот, — твердо признался Игнат и всем корпусом обернулся к Верховланцеву. Тот выпрямился и посмотрел на Игната с каким-то удивленным вниманием. А Игнат ни с того ни сего окреп в голосе. Не заглядывая в список, он наизусть называл фамилии сельчан и назначенное им к сдаче количество хлеба...

Как только Игнат умолк, Верховланцев услышал то, чего все время ждал и что было неминуемо — кто-то в толпе из мужиков негромко, но явственно сказал:

– Ну, вот и хорошо... Попервам пускай и нам дадут, как Суворцу, а потом уже и мы...

– Хлеб сдать полностью-у! — протяжно и четко скомандовал внезапно Верховланцев и нарочито заметным движением руки тронул крохотную кобуру браунинга. И сейчас же, впервые за всю жизнь, Суворца кто-то назвал по имени и отчеству:

– Игнат Васильевич, а когда сдавать-то? И куда? [2, 35]. Выразительный жест, который совершил Верховланцев (дотронулся до пистолета), весьма «говорящий»: намекает на добровольно-принудительный порядок происходящего.

Итак, шуточный текст песни, которую исполняет герой Ястребов в произведении К. Д. Воробьева, является не просто смешным и нелепым, а несет важную смысловую нагрузку, посредством каламбура воспроизводя действительность.

Данное утверждение верно и для следующего отрывка.

«Вжарить комаря» просит своего внука и дядя Мирон из повести «Почем в Ракитном радости». «Дядя Мирон стоял на середине хаты, выжидая и шевеля носками сапог, и как только гармошка сыпанула «ка-

маринского», он пригнулся, выбил ладонями на голенищах чечетку и, раскинув руки будто для обнима всех, четко и в лад коленам плясовой не пропел, а проскакал, глядя на одного меня:

Ай да дедушка лысенький,

Запасал муку-высевки!

А за что его высекали?

За муку да за высевки!

Присказка была с «бородой», я знал ее с детства, но дядя Мирон подмигивал мне плутовски, намекаяще-откровенно и весело. Наверное, он увидел, что я все понял и принял так, как ему хотелось — «не дуришь», и, подплыв в плясе к тетке, тоненько проголосил ей почти в ухо:

Не по-старому закон повела!

Полну хату женихов навела!

У тетки оттаяли глаза, и она засмеялась со всеми вместе» [3, 453].

В данном эпизоде лирический герой замечает, что сама песня была с «бородой», т.е. с дополнительным смыслом, поэтому дядя Мирон исполняет ее «плутовски, намекаяще-откровенно». Интересно, что в данном четверостишии с горьким юмором отражена незавидная жизнь и судьба дяди Мирона Останкова и его племянника, Кузьмы Останкова.

Юный герой написал когда-то в газету заметку о ворованном дядей мешке жмыхов. Для дяди Мирона это событие стало судьбоносным, за ним последовали статья и лагерь. Кузьма Останков, возвращаясь в свое родное село спустя 25 лет после случившегося, несет в своем сердце огромный груз вины. Радость от встречи с дядей Мироном, долгожданный разговор не дают герою полного душевного спокойствия, и тогда дядя Мирон во время застолья исполняет куплет «с бородой», обращая когда-то существовавшую проблему в шутку. Таким образом, происходит завершение истории о воровстве; и для дяди, и для племянника наступает новая страница в истории их родственных отношений, искренняя и чистая.

Нетрудно заметить, что в плясовых песнях проявляются такие качества русского народа, как жизнелюбие, юмор, бодрость, задор. Все перечисленные черты присущи и жанру частушки, который также использует К. Д. Воробьев в контексте художественного произведения. Подчеркнем, что песенный край, удивительно звучащий в воробьевском творчестве, роднит его с талантливым земляком, музыкантом Г. В. Свиридовым. В повести «Друг мой Момич» писатель пытается даже словесно передать гармошечные звуки, или, по-воробьевски, «хрип гармошки»:

«Тури-рури, тури-рури,

Люли-лили, пиль-пиль!» [3, 293].

Умение «услышать», прочувствовать звуки, выделиться из действительности и художественно выразить словом — это черта, отличающая все произведения Воробьева. Поэтому гармошка в повести «ноет», а частушки «кричатся» не в лад с музыкой.

Озорную частушку и песни вспоминает Кузьма Останков («Почем в Ракитном радости»), когда возвращается после долгой разлуки в родное село. Как не может представить себе герой село без солнечного света, без деревенских ароматов трав, так не может представить и без песен и озорных частушек, которые «кричались». «Мне не помнится, чтобы там стояли зимы: я унес оттуда никогда не потухающее солнце, речку, тугой перегуд шмелей в цветущей акации, запаха повилики и мяты в чужих садах и огородах. И еще я унес песни. В Ракитном они не пелись, а «кричались». Их кричали гуртом на свадьбах и в хороводах, кричали в одиночку на дворах и в поле. Они были трех сортов — величальные, протяжные и страдательные. Эти выводились парнями и девками под гармошку как караул, но в моей памяти они улеглись навеки рядом со стихами Пушкина и Есенина.

Среди них осталась и частушка о козе и старике. Ею дразнили меня ровесники, и больше всех Милочка-лесовичка. Увидит на выгоне километра за полтора и затянет изнурительно тоненьким речитативом:

Ах, дед Кузьма!

Не дери козла!

Дери козочку!

Белоножечку!

Привяжи к кусту...

Дальше шло такое, что уши вяли, но Милочка не выбрасывала слов из песни, а мне тогда исполнилось четырнадцать, и я уже любил эту Милочку, и мое имя было Кузьма» [3, 415].

Частушка, всегда задорная и с юмором, очень часто в повседневной народной жизни использовалась и как дразнилка. В тексте повести мы встречаем именно частушку-дразнилку. Герой навсегда запомнил эту обидную частушку, в которой объектом шутки выступало его имя — Кузьма. Обижал мальчика и тот факт, что исполняла ее девочка Милочка, которая была ему симпатична.

Обращаясь к частушке, К. Д. Воробьев «находит в ней большой запас образов, ярких речевых деталей, живых интонаций, элементов звуковой выразительности» [10, 23].

Примечательно, во всех проанализированных художественных примерах писатель настолько удачно и гармонично вводит фольклорные элементы, что литературный текст от этого только выигрывает, становится более образным, содержательным. Писатель воссоздает народные жанры песни, частушки с целью эстетического обогащения текстов народным колоритом, а также использование народной изобразительности помогает более ярко провести главные тематические линии в произведениях. Таким образом, мы наблюдаем плодотворное взаимодействие фольклорного начала и художественного в контексте творчества К. Д. Воробьева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев К. Д. Друг мой Момич. Собр. соч. В 3 т.— Т. 1.— М., 1993.— С. 291—413.
2. Воробьев К. Д. Сказание о моем ровеснике. Собр. соч. В 3 т.— Т. 1.— М.: Современник, 1993.— С. 10—95.
3. Воробьев К. Д. Почем в Ракитном радости. Собр. соч. В 3 т.— Т. 1.— М., 1993.— С. 413—478.
4. Воробьева В. В. Розовый конь: Воспоминания о писателе К. Д. Воробьеве // Воробьев К. Д. Собрание сочинений. В 3 т.— Т. 3.— М., 1993.— С. 362—494.
5. Горелов А. А. К истолкованию понятия «фольклоризм» литературы / А. А. Горелов // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора. Вып. XIX.— Л., 1979. С. 31—48.
6. Зимин В. Я. К. Д. Воробьев. Жизнь на тему.../ В. Я. Зимин // Курские тетради: Курск и куряне глазами

*Курский государственный университет
Шумакова Ю. И., канд. филол. наук, доцент кафедры
культурологии
E-mail: sima1@pochta.ru*

- ученых: Тетрадь четвертая. Курск, 2002.— С. 123—133.
7. Зуева Т. В. Русский фольклор: Учебник для вузов / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан.— М., 1998.— 400 с.
 8. Исторические песни XVIII в.— Л., 1971.— С. 160.
 9. Лазутин С. Г. Русская частушка. Вопросы происхождения и формирования жанра / С. Г. Лазутин.— Воронеж, 1960.— С. 59.
 10. Путилов Б. Н. О некоторых проблемах фольклоризма советской литературы / Б. Н. Путилов // Вопросы советской литературы. Т. 4.— Фольклор в русской советской литературе.— М.; Л., 1956.— С. 5—32.
 11. Сидельников В. М. Поэтика русской народной лирики / В. М. Сидельников.— М., 1959.
 12. Частушки / Составитель Л. А. Астафьева.— М., 1987.

*Kursk State University
Sumakova Y. I., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Culturology Department
E-mail: sima1@pochta.r*